

Археологический сборник
Государственного Эрмитажа,
1974, вып. 16.

Д. А. МАЧИНСКИЙ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕОГРАФИИ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ СТЕПЕЙ ВО II В. ДО Н. Э. — I В. Н. Э.

Настоящая статья является продолжением ранее опубликованной работы по этногеографии этой же области в конце VIII — начале II в. до н. э.¹ Однако рамки статьи не допускают подробного рассмотрения всех этногеографических проблем интересующего периода. Поэтому внимание будет сосредоточено на анализе сообщений о роксоланах и, в меньшей степени, об аорсах — наиболее значительных для того периода объединениях восточноевропейских кочевников, относительно которых в археологической науке имеется ряд широко распространенных концепций².

Анализируя письменные и археологические источники, автор в предыдущей работе пришел к выводу, что мощное вторжение сарматов в левобережное Поднепровье произошло в конце IV в. до н. э., а в III в. до н. э. они проникли и на правый берег Днепра. Судя по всему, в III и начале II в. до н. э. господствующей силой в степях к северу от Перекопа и Азовского моря были сарматские орды, как это было показано нами³.

Следующая эпоха в истории восточноевропейских степей охватывает промежуток времени примерно от середины II в. до н. э. по рубеж н. э. Центральным источником для изучения этой эпохи является «География» Страбона (закончена в целом около 7 г. до н. э. и дополнялась вплоть до 18 г. н. э.), в которой впервые со времен Геродота дается отчетли-

вая и достаточно подробная картина размещения «народов» в степях и лесостепи к северу и востоку от Черного и Азовского морей. Как установлено М. И. Ростовцевым и другими исследователями, источниками для Страбона при составлении этнокарты этих областей служили, в первую очередь, сочинения Артемидора Эфесского и Посидония, а также Феофана Митиленского, Гипсикрата из Амиса и Метродора из Скепсиса⁴. Эти авторы писали в самом конце II—I в. до н. э., в эпоху митридатских войн и сразу после них.

М. И. Ростовцев не сомневался, что этнокарта Страбона отражает реальность эллинистического времени, но он колебался, относить ли страбовское размещение «народов» к концу II в. до н. э. (начало митридатских войн), или ко времени Деметрия из Каллатиса (конец III — начало II в. до н. э.)⁵. Мы полагаем, что этнокарта Страбона в основных чертах отражает действительное размещение «народов» конца II в. до н. э. и, возможно, I в. до н. э. Это подтверждается целым рядом соображений.

Во-первых, для времени от начала III в. до н. э. по третью четверть II в. до н. э. у греческих писателей почти нет сколько-нибудь точных данных об этногеографии Северного Причерноморья. Такой эрудированный автор,

⁴ Ростовцев М. И. Страбон как источник для истории Боспора. Харьков, 1914; Ростовцев М. И. Скифия и Боспор, Л., 1925, с. 34—35, 100—102; Страбон Г. А. Страбон и его «География». — В кн.: Страбон. География. М., 1964, с. 785—787.

⁵ Общее описание отдельных областей Причерноморья и отдельные исторические справки Страбон заимствовал и у более ранних авторов V—II вв. до н. э., но с его этнокартой эти более древние свидетельства почти не связаны.

⁶ Ростовцев М. И. Страбон..., с. 17.

как Полибий (около 205—123 гг. до н. э.), категорически заявляет, что о всей северной области от Нарбона до Танаиса не известно ничего достоверного (Полибий. История, III, 37, 2; SC, I, 440). Видимо, и Деметрий из Каллатиса (рубеж III—II вв. и начало II в. до н. э.), специально описавший причерноморские земли, не имел определенных сведений об этногеографии степей между Днестром и Доном. Во всяком случае, Псевдо-Скимн (конец II — начало I в. до н. э.), опиравшийся на данные Деметрия, очевидно, не нашел у него достойных внимания сообщений для всей территории от Днестра до Дона и положил в основу своей этнокарты этих земель устаревшие данные Эфора (Псевдо-Скимн. Землеописание, 798—873; SC, I, 88—90). Страбон же дает как для этих, так и для более восточных областей, вплоть до Кавказа и Каспия, чрезвычайно подробную и точную этнокарту (Страбон. География, II, 5, 7; II, 5, 12; II, 5, 30; II, 5, 31; VII, 1, 1; VII, 3, 1; VII, 3, 13; VII, 3, 14—17; XI, 2, 1; XI, 2, 1; XI, 2, 15; XI, 5, 1—2; XI, 5, 7—8; XI, 6, 2), которая укладывается на реальную физико-географическую карту и карту зон растительности этой территории куда более легко и естественно, чем знаменитая этнокарта Геродота⁶. Так что вполне вероятно, что данные по этногеографии Причерноморья, использованные Страбонам, были получены уже после окончания активной научной деятельности Деметрия из Каллатиса и Полибия, т. е. не ранее последней трети II в. до н. э.

⁶ Некоторые современные исследователи ставят под сомнение полноту и достоверность этнокарты Страбона, опираясь на известное место его труда (География, VII, 2, 4), где он якобы сам сознается, что не знает «ни бастарнов, ни савроматов» (SC, I, с. 109). Однако, как мы покажем ниже, этнокарта Страбона базируется на данных, полученных в конце II — середине I в. до н. э. в результате бурных политических событий времен Митридата VI Евпатора и Фарнака, т. е. до начала сознательной жизни Страбона. Указанное же выше высказывание Страбона взято из отрывка, где он повествует об этногеографии Германии, реальной, судя по историческим экскурсам в пределах этого отрывка, примерно для времени около 12 г. до н. э.—15 г. н. э. В этот период Рим был относительно мало заинтересован в конкретных знаниях о варварском мире Северного Причерноморья и Страбон, действительно, мог сетовать на скудость современных ему сведений об этой области. Но еще важнее то, что, как явствует из контекста, Страбон говорит не о Северном Причерноморье в обычном смысле этого географического понятия, а о неизвестной ему земле, простирающейся от Эльбы до Борнсефны и к северу от Борнсефны до океана. Таким образом, слова Страбона о его незнании относятся к совершенно иной территории и иному времени, чем интересующая нас этнокарта.

Во-вторых, даже те немногие новые сведения об этногеографии Северного Причерноморья, которые сообщают авторы второй половины III — середины II в. до н. э., не находят точного соответствия в этнокарте Страбона. М. И. Ростовцев считал, что данные Деметрия из Каллатиса и Страбона о бастарнах и фракийцах в Подунавье практически совпадают⁷, что, на наш взгляд, не вполне верно. Действительно, Деметрий уже помещает бастарнов, так же как позднее и Страбон, к северу от устья Дуная, однако ни Деметрий, ни Аполлоний Родосский (втор. пол. III в. до н. э.) не знают еще описанную Страбонам особую группировку бастарнов-певкинов, с центром в самом устье Дуная, на острове Певка, хотя и Деметрий и Аполлоний дают достаточно подробное описание этого острова (Псевдо-Скимн. Землеописание, 785—797; SC, I, 88; Аполлоний Родосский. Поход аргонавтов, IV, 309—322; SC, I, 423). Кроме того, Деметрий знает бастарнов лишь на небольшом расстоянии к северу от устья Истра (судя по всему, уже о пребывании их на Днестре ему ничего не известно) и именует их «пришельцами» (SC, I, 88, а также «Перипл анонима», 89; SC, I, 286). Страбон же рассматривает бастарнов, живущих «севернее» Дуная, как стабильную группировку, разделенную на несколько «колен», ни слова не говоря об их недавнем появлении здесь, и знает их на большой территории, занимающей, если наложить данные Страбона на реальную карту, большую часть лесостепи от Дуная до Днепра (Страбон, VII, 3, 15—17; а также II, 5, 2; II, 5, 30; VII, 1, 1; VII, 2, 4). И лишь говоря о южной, неизвестной Деметрию и Аполлонию группировке бастарнов, проникшей в самую дельту Дуная, он называет их «певкины, занявшие остров Певку» (Страбон, VII, 3, 15—17), т. е. указывает на их недавнее появление здесь. Все это убеждает в том, что сведения Страбона о бастарнах более позднего происхождения, чем сведения Деметрия. Далее, если продолжить сопоставления, то язматы, помещаемые Деметрием к югу от нижнего течения Танаиса, вообще не отмечены Страбонам, который помещает примерно в этих же местах сираков и различные племена меотов (Псевдо-Скимн, 874—881; SC, I, 90; Страбон, XI, 2, 1, II; XI, 5, 8). Наконец, что для нас особенно важно, в степях к северу от Перекопа, по данным авторов второй половины III—

⁷ Ростовцев М. И. Страбон..., с. 12.

¹ Мачинский Д. А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по данным письменных свидетельств. — АСГЭ, 1971, вып. 13, с. 30—54; Мачинский Д. А. О культуре Среднего Поднепровья на рубеже скифской и сарматской эпох. — КСИА АН СССР, 1973, вып. 133, с. 3—9.

² См. статью И. П. Засецкой в настоящем сборнике.
³ Мачинский Д. А. О времени первого..., с. 46—54.

середины II в. до н. э. (анонимного историка, к которому восходит легенда об Амаге, а также Полибия), господствуют сарматы, союзники Херсонеса и враги скифов⁸, тогда как у Страбона и в декрете в честь Диофанта (колец II в. до н. э.) помещены в этих местах роксоланы, враги Херсонеса и союзники скифов. Роксоланы же, как мы постараемся доказать ниже, отнюдь не являются прямыми потомками древнейших сарматов, а представляют собой совершенно новое для этой территории этнополитическое образование.

В-третьих, сам Страбон определенно утверждает, что все области от Днепра до Черноморского побережья Кавказа стали известны лишь в эпоху военных предприятий Митридата Евпатора и его полководцев (Страбон, I, 2, 1), т. е. в конце II — начале I в. до н. э., а земли между Истром и Днестром — после военных действий римлян, впервые появившихся у устья Дуная около 72—71 гг. до н. э. и окончательно закрепившихся здесь после походов 29 г. до н. э. и 13—11 гг. до н. э.⁹

Это утверждение Страбона хорошо согласуется с тем, что самые ранние события, в которых зафиксировано участие язигов, роксоланов, аорсов, верхних аорсов и сираков — наиболее мощных из объединений кочевников, отмечаемых им, — относятся, по данным источников, к концу II — середине I в. до н. э. (Страбон, VII, 3, 17; XI, 5, 8; Аппиан. Войны с Митридатом, 15, 57, 69; SC, I, 526—528; IOSPE, I, 352).

Учитывая все вышесказанное, можно сказать, что воссоздаваемая на основании сообщений Страбона этнокарта восточноевропейских степей и западной части лесостепи отражает этногеографические представления, сложившиеся у греков и римлян в основном в связи с бурными событиями на северо-восточных границах античного мира в конце II — середине I в. до н. э. Отдельные элементы ее могут восходить к данным, полученным и ранее и позднее названной выше даты¹⁰.

В целом, представления Страбона об этногеографии Восточной Европы резко отличаются от представлений греческих авторов об этногеографии этих же областей в IV — начале II в. до н. э.

Прежде чем переходить к выяснению местоположения отдельных кочевых объединений в эпоху Митридата VI Евпатора и его сына Фарнака по данным Страбона, необходимо сделать несколько замечаний:

а) Как показало сопоставление всех случаев упоминания у Страбона «савроматов» и «сарматов», эти два названия употребляются у него, в отличие от авторов более ранней поры, как синонимы. В дальнейшем, говоря об этнокарте Страбона, мы будем употреблять преимущественно название «сарматы». (Сравните: Страбон, II, 5, 30 и VII, 3, 17; II, 5, 4 и XI, 2, 1, 15; XI, 3, 3; II, 4, 7 и XI, VI, 2 и т. д.).

б) Термин *ὑπερ* (выше) у Страбона в применении к территории степей к северу от Черного моря и Кавказа обычно означает просто большую отдаленность от центров античного мира и может соответствовать понятиям «восточнее», «северо-восточнее» или «севернее» (Страбон, II, 5, 7; II, 5, 23 и т. д.).

в) В представлении Страбона Днестр, текущий в действительности с северо-запада, течет с запада (Страбон, II, 4, 6), а Днепр и Дон, текущие в нижнем течении с северо-востока, текут у Страбона с севера (Страбон, II, 4, 5, 6). Эти и ряд других примеров показывают, что когда Страбон говорит о направлении «на север», в области к северу от Понта и Кавказа, то обычно надо иметь в виду северо-восточное направление (см. также Страбон, VII, 3, 17; XI, 1, 5; XI, 1, 15).

Обрисую теперь кратко этнокарту интересующих нас территорий по Страбону. В самом устье Дуная живут бастарны-певкины. Между Дунаем и нижним Днестром простирается «Гетская пустыня», — видимо, степная территория, опустошенная набегами гетов и сарматов (последние с конца I в. до н. э. часто проникают уже до самого Дуная). По нижнему течению Днестра живут тиригеты. Между Днестром и Днепром живут сарматы-царские, сарматы-язиги и урги. Прилегая с севера к этим степным областям, от устьев Дуная до Днепра живут различные племена бастарнов. Сразу же за Борисфеном по направлению к Дону живут роксоланы (Страбон, VII, 3, 15—17). Крым населен тафрийями, скифами и таврами. За Танаисом живут различные «скифские» и «сарматские» (или «савроматские») народы, занимающие «сарматские равнины» до предгорий Кавказа и северо-западного берега Каспия. Среди этих «скифо-сарматских» народов выделяются аорсы, живущие по Танаису, сираки, живущие по

Ахардею (возможно, река Маныч-Егорлык), и верхние аорсы, живущие по северо-западному побережью Каспия. За Каспием и продвигом, соединяющим его с северным океаном, живут уже чистые «скифские» народы — восточные скифы, даги, массагеты, саки и другие.

Следует отметить, что у Страбона, по сравнению с более древней традицией, сильно расширилась территория, занятая «сарматскими народами». Если для более раннего времени античные авторы знали их в Подонье и к северу от Перекопа и Сиваша¹¹, то теперь они известны Страбону на западе вплоть до берегов Дуная, а на востоке — до северо-западного побережья Каспия.

Центральную же территорию древней Сарматии — степи у Перекопа, Сиваша и Азовского моря — занимают могущественные роксоланы. Казалось бы, естественнее всего именно в них видеть прямых потомков древних сарматов. И, действительно, в известной нам историко-археологической литературе роксоланы почти всегда рассматриваются как одно из подразделений сарматов. Однако тщательный анализ источников убеждает нас в том, что, вопреки установившемуся мнению, роксоланы — не часть сарматов, а особое, чаще всего противопоставляемое сарматам, объединение кочевников. Поскольку именно с этим объединением связан целый ряд концепций и гипотез советских археологов, остановимся подробнее на его локализации, хронологической и этнической характеристиках.

У Страбона роксоланы помещены между Борисфеном (Днепром) и Танаисом (Доном) (Страбон, VII, 3, 17). Но так как он, по собственному признанию, имел сведения лишь о небольшом участке нижнего течения Дона (XI, II, 2), то и его сведения о восточной границе роксоланов могут считаться достоверными только для территории около устья Дона.

Относительно более северных областей мы не знаем точно, где проходила граница между роксоланами и их восточными соседями аорсами — по среднему Дону или, возможно, по Северскому Донцу. Во всяком случае в письменных источниках значительно больше свидетельств присутствия роксоланов в западной части Днепро-Донского междуречья, нежели в восточной. Так, в другом месте своего труда Страбон называет роксоланов среди на-

родов, живущих к северу от Понта (Черного моря) и рядом с Борисфеном (VII, 2, 4), а еще раз помещает роксоланов «выше» (в данном контексте это означает «восточнее») Борисфена (II, 5, 7). Да и в первом из рассмотренных отрывков (VII, 3, 17) Страбон причисляет роксоланов к бастарнам, жившим в основном западнее Днепра, что, возможно, указывает на западное направление политических связей роксоланов, а также упоминает об их войне с Диофантом, протекавшей, как известно, в Крыму, т. е. по соседству с западной частью Днепро-Донского междуречья. Вслед за рассказом о роксоланах идет описание жизни кочевников, относящееся, вероятно, в первую очередь, к тем же роксоланам (VII, 3, 17), где упоминается, что зиму они проводят в «болотах Меотиды», т. е. в окрестностях болотистого Сиваша (VII, 4, 1), находящегося опять-таки в западной части Днепро-Донского междуречья. Характерно, что и декрет в честь Диофанта, фиксирующий три похода Диофанта против крымских скифов, отмечает, что лишь во время третьего похода, протекавшего в необычное для военных предприятий зимнее время, скифы пригласили на помощь «ревксиналов» (роксоланов). Видимо, зимние кочевья роксоланов находились неподалеку от Перекопа, в западной части Меотиды у Сиваша, что и позволило скифам быстро позвать их на помощь против неожиданно вторгшегося Диофанта (IOSPE, I, 352). В целом можно заключить, что роксоланы в конце II в. до н. э., безусловно, занимали западную и центральную части междуречья Днепра и Дона, а на востоке владения их достигали нижнего Дона.

Декрет в честь Диофанта именует роксоланов «народ ревксиналов», хотя во II в. до н. э. и всему греческому миру, судя по подписям, переведенным Б. Н. Граковым¹², и самим херсонесцам (договор 179 г. до н. э. и легенда об Амаге) достаточно хорошо было известно имя сарматов. Видимо, название «народ ревксиналов» говорит о том, что около 107 г. до н. э. херсонесцы столкнулись не с хорошо знакомыми им скифами и сарматами, а с совершенно новым народом, само имя которого они еще не знали твердо. Действительно, сопоставление текстов декрета и Страбона, где он рассказывает о войне Диофанта с роксоланами (Страбон, VII, 3, 17), убеждает

¹¹ Мачинский Д. А. О времени... с. 42—54, рис. 2.

¹² Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. — ВДИ. 1939. № 3, с. 302—305.

⁸ Мачинский Д. А. О времени... с. 46—54.
⁹ Дьяков В. П. Пути римского проникновения в Северное Причерноморье. — ВДИ. 1939. № 3—4, с. 79—80.

¹⁰ Так, некоторые сведения о «народах» Нижнего Подунавья получены, видимо, во времена римской экспансии в этом районе в конце I в. н. э.

в тождественности рексиналов и роксоланов. Однако и Страбон и все другие более поздние авторы и эпиграфические тексты знают лишь вторую форму названия этого народа — «роксоланы»¹³. Создается впечатление, что херсонесцы, лишь недавно узнавшие это незнакомое название от своих противников скифов, дали его в декрете в ошибочной форме. Следует также отметить, что если сарматы в середине III — начале II в. до н. э., во времена Амаги и Гатала, выступили как традиционные союзники Херсонеса и понтийских царей в их борьбе против скифов, то роксоланы сразу же становятся на сторону скифов и выступают в конце II в. до н. э. против Херсонеса и понтийского царя Митридата VI Евпатора.

Страбон, упоминая роксоланов трижды, нигде не причисляет их к сарматам (Страбон, II, 4, 7; VII, 2, 4; VII, 4, 7). Особенно важны два места. Вот первое из них: «За Борисфеном же обитают роксоланы, последние из известных скифов... Южнее их и живущие выше Меотиды савроматы и скифы до восточных скифов» (Страбон, II, 4, 7). В этом отрывке интересно отчетливое противопоставление роксоланов одной из групп сарматов — савроматов, живущих «выше», т. е. восточнее и северо-восточнее Меотиды. Можно не придавать большого значения тому, что роксоланы отнесены в этом отрывке к скифам, но следует отметить те значения, которые имеет термин «скифы» у Страбона для обозначения северных «народов» позднеллинистического времени. Между устьем Дуная и Доном и к северу от Перекопа он не причисляет к скифам ни одного народа, кроме роксоланов. Скифами он именуется варварское население степного Крыма, — видимо, потомков древних скифов украинских степей. Общим названием кочевого населения, живущего между Доном и Каспием, у Страбона служит особый термин, выступающий в нескольких близких вариантах, которые можно перевести как «сарматы (савроматы) и скифы», «сарматы, или скифы», «сарматы, тоже скифы» (Страбон, XI, 2, 1; XI, 3, 3; XI, 6, 2; II, 4, 7 и т. д.). Просто «скифами» Страбон именуется все «на-

роды, живущие на огромной территории сточнее Каспия (Страбон, I, 1, 3; II, 2, 1; XI, 1, 7; XI, 6, 2; XI, 8, 2 и т. д.). Таким образом, то, что Страбон причисляет роксоланов к скифам, возможно, служит указанием на восточное, закаспийское, происхождение или является отголоском их союзнических отношений с крымскими скифами.

Во втором важном отрывке Страбон, называя различные причерноморские народы — тиригетов, сарматов-язигов и сарматов-царских, — доходит до бастарнов, перечисляет их различные группировки, а затем сообщает, что среди бастарнов «самые северные, занимающие равнины между Танаисом и Борисфеном, называются роксоланами» (Страбон, VII, 3, 15, 18). Большинство исследователей, на основании анализа других источников, считают, что ядро большого массива лесостепного населения, именуемого бастарнами, составляли германоязычные племена, хотя в составе его могли находиться также отдельные группы кельтов и других «народов»¹⁴. Кроме того, бастарны, безусловно, не были кочевниками. Поэтому включение в их число ираноязычных кочевников-роксоланов представляется несколько странным. Однако нет ничего невероятного в том, что роксоланы на каком-то этапе входили в военный союз, возглавляемый собственно бастарнами и в известном смысле могли тоже именоваться «бастарнами». Во всяком случае, причисление роксоланов к бастарнам в главе VII, вероятно, не является для Страбона обмолвкой. Когда в главе II Страбон перечисляет «народы» между Истром и Танаисом, то он называет тиригетов, бастарнов и савроматов, не упоминая роксоланов (Страбон, II, 5, 30). Вряд ли Страбон просто опустил имя роксоланов — единственного из «народов» к северу от Понта и Перекопа, которому он посвящает особый исторический экскурс и который занимал столь важное место в этногеографических построениях Страбона. Скорее всего, имя роксоланов не названо здесь потому, что они являлись, по мнению Страбона, одной из групп бастарнов. Любопытно отметить, что когда, после длительного перерыва, имя роксоланов вновь упоминается в тексте декрета в честь Плавтия Сильвана в связи с событиями 56—57 гг. н. э., оно снова стоит в непосредственном соседстве с именем бастарнов и определенно отделено от имени сарматов (СЦ,

XIV, 3608). Впрочем, как бы ни обстояло дело с взаимоотношениями бастарнов и роксоланов, для нас значительно важнее другое: Страбон исключает роксоланов из числа сарматов-савроматских народов. Видимо, этническая принадлежность этого, недавно появившегося «народа» была ему не вполне ясна, но он твердо знал, что роксоланов ни в коем случае нельзя включать в число сарматских «народов».

Появление роксоланов в степях между Днестром и Доном произошло, видимо, незадолго до их выступления как союзников крымских скифов около 108—107 гг. до н. э., вероятно, позднее 179 г. до н. э., когда господствующей силой в степях у Перекопа были еще сарматы. С их вторжением связаны и такие события, как переход основной массы сарматов (язигов и царских) на правый берег Днестра и передвижение их к Дунаю и усилению в середине II в. до н. э. могущества противников сарматов и союзников роксоланов — крымских скифов.

Удар, нанесенный роксоланам Днофантом, был, видимо, достаточно чувствительным. Во всяком случае, в течение примерно 160 лет, после этого источники не знают ни одного события, в котором бы участвовали роксоланы, не называют и мест их обитания. Можно лишь предполагать, что они оказались вовлеченными в общее движение кочевых «народов» на запад и передвинулись в течение I в. до н. э. — первой половины I в. н. э. на правый берег Днестра, а затем и к Дунаю, где роксоланы известны, начиная с 50-х гг. I в. н. э.

Следует отметить, что когда роксоланы снова появляются на арене истории, античные источники вновь отличают их от сарматов. Плиний Старший в труде, законченном в 77 г. н. э., сообщает: «К северу от Истра, вообще говоря, все племена считаются скифскими, но прибрежные местности занимали разные племена: то геты, у римлян называемые даками, то сарматы или по-гречески савроматы, и из их числа амаксобии или аорсы, то благородные, рабского происхождения скифы или троглодиты, затем и роксоланы. Страны, лежащие выше к северу между Данубием и Герцинским Хребтом до паннонских стоянок в Карнунтуме и до полей и равнин живущих там в соседстве германцев, занимают язиги-сарматы...» (Плиний. Естественная история, IV, 80; SC, II, 171—172). Этот отрывок отражает реальное размещение «народов» в середине и особенно в третьей четверти I в. н. э., когда в 60-х гг. в Нижнем По-

дунавье впервые появляются аланы и вновь активизируются роксоланы, которых Плиний объединяет в одну группу с аланами и отличает от сарматов (аорсов-амаксобиев и язигов). Не менее определенно отделены роксоланы от сарматов в надгробной надписи в честь легата Мезии Плавтия Сильвана (СЦ, XIV, 3608), сделанной не позднее 79 г. н. э. и повествующей о событиях, происходящих в северо-западном Причерноморье между 56—63 гг. н. э.¹⁵ И в дальнейшем целый ряд авторов отличает роксоланов и аланов от сарматов. Исключение составляют лишь «История» Тацита (I, 79) и Певтингерovy таблицы. Однако для Тацита было свойственно чрезвычайно расширенное понимание термина «сарматы», причем критерием для отнесения того или другого «народа» к сарматам был его кочевой образ жизни (Тацит. Германия, 46). При таком подходе кочевники-роксоланы безусловно попадали в число сарматов. В Певтингерovyх таблицах (II — первая половина III в. н. э.) термин «сарматы» понимается еще более широко, так как в число их зачислены также, заведомо несарматские и некочевые народы, как лугии и венеды.

Античная традиция обычно склонна обобщать названия больших групп народов и переносить названия знаменитого народа на другой крупный народ, занявший позднее его территорию. Если учесть это, то надо отметить, что роксоланы, занявшие территорию сарматов, так редко называются в источниках сарматами (и притом в источниках относительно поздних и упоминающих о роксоланах вскользь) и так часто противопоставляются им (причем в наиболее древних и авторитетных свидетельствах), что не остается никаких сомнений в том, что роксоланы — по представлению большинства античных авторов — особая этническая группа кочевого населения, столь же определенно отличавшаяся от сарматов, как ранее скифы отличались от савроматов.

Не исключено, что роксоланы были, как полагают многие, передовой группой аланского этнического массива, восточное, а точнее массагетское, происхождение которого, как нам представляется, несомненно. В таком случае появление роксоланов в южнорусских степях может быть сопоставлено с бурным движением в среде племен закаспийских степей в первой половине и середине II в. до н. э.

¹⁵ Дьяков В. П. Указ. соч., с. 85—88.

¹³ Исключение составляет лишь Кл. Птолемей, который, опираясь, видимо, на данные двух (или более) различных источников, дает, как будто, обе формы наименования, помещая к северу от Меотиды в числе «восточных народов» роксоланов и среди прочих «народов» — рексиналов (= рексиналов?). (Кл. Птолемей. Географическое руководство, III, V, 7 и III, V, 10; SC, I, с. 231—232).

¹⁴ Мачинский Д. А. Кельты на землях к востоку от Карпат. — АСГЭ, вып. 15.

Непосредственных же потомков тех ранних сарматов, о которых сообщают Гераклид Понтийский и Полибий, можно видеть для эпохи конца II—I в. до н. э. в сарматах-язигах и сарматах-царских. (Истории этих сарматских друпириков посвящена статья, подготовленная автором к печати.)

Таким образом, зафиксированная Страбоном (VII, 3, 15—17) карта размещения «народов» в Северном Причерноморье, между Дунаем и Доном, отражает реальную ситуацию, существовавшую около конца II в. до н. э. и начала I в. до н. э.

Вплотную к этой части этнокарты примыкает другая, «азиатская» часть карты, где Страбоном на землях между Танаисом и Каспием размещены крупные объединения кочевников-сарматов: аорсы, сираки и верхние аорсы, а далее, за Каспием, различные «восточноскифские» объединения: даги, массагеты и другие. Наиболее важные сообщения Страбона об этих землях содержатся в следующих местах его труда: II, 57; II, 5, 31; XI, 2, 4; XI, 2, 1; XI, 2, 15; XI, 5, 2; XI, 5, 7; XI, 5, 8; XI, 6, 1; XI, 6, 2; XI, 7, 1. Все эти отрывки дают достаточно отчетливую картину. Где-то в северной части задонских степей кочуют хорошо известные Страбону какие-то племена «скифов». Южнее их, в степях к востоку от нижнего течения Танаиса (Дона, а может быть Северского Донца с Нижним Доном), живут аорсы. Сираки занимают прилегающие к востоку к Меотиде степи южнее территории аорсов и севернее предгорий Кавказа, т. е. степи северо-западного Предкавказья. По самой кромке восточного берега Меотиды, как и в более ранние времена, живут меоты. Нельзя с определенностью решить, являются ли названия Мермод и Ахардей (реки, около которых по карте Страбона живут сираки) двумя наименованиями одной реки, или это разные реки; нельзя также с уверенностью отождествлять Ахардей с Маньчьем-Егорлыком или с Кубанью. Для нас это не столь важно. Из всей суммы сведений Страбона следует, что даже если Ахардей — это Кубань, то сираки занимали в основном степные и равнинные области к северу от ее течения. Но нет никаких оснований отводить сиракам всю территорию центрального и, в особенности, северо-восточного Предкавказья, как это делает В. Б. Виноградов¹⁶.

¹⁶ Виноградов В. Б. Сарматы северо-восточного Кавказа. Грозный, 1963, карта на с. 220, рис. 47, с. 175 и др.

Сложнее обстоит дело с локализацией верхних аорсов. По представлениям Страбона, они живут к западу от Каспийского моря и, видимо, к западу от южной части таинственного пролива, соединяющего Каспий с северным океаном. Напротив них, по другую, восточную, сторону пролива и Каспия, живут скифы-даи. Иногда полагают, что за пролив, соединяющий Каспий с океаном, Страбон принимал нижнее течение Волги¹⁷. В таком случае верхние аорсы должны населять правобережье Нижнего Поволжья, а даи — его левобережье. Однако, вероятно, дело обстоит несколько иначе. Представление о проливе, соединяющем Каспий с Океаном, возникло у греков в результате морской экспедиции Патрокла в 283—282 гг. до н. э. вдоль берега Каспия. Большинство исследователей сходятся на том, что экспедиция Патрокла обследовала лишь южную часть Каспия¹⁸ и что именно он принял за северный пролив, сказать невозможно. Безусловно, представления Патрокла повлияли и на Страбона, однако у него схема Патрокла наполнилась новым содержанием. Конкретные и довольно подробные сведения Страбона о населении северо-восточного Предкавказья и северо-западного Прикаспия были получены им из источников, отражающих ситуацию значительно более позднего времени, чем начало III в. до н. э. Поэтому под северным проливом Страбон мог подразумевать что-то иное, чем Патрокл. Наверяд ли это была Волга. Ее дельту чрезвычайно трудно принять за морской пролив, да и течет она в нижнем течении с северо-запада, в то время как у Страбона «север» для северных степных областей, как мы показали выше, обычно соответствует в действительности северо-востоку. Кроме того, этот пролив с точки зрения Страбона должен быть примерно параллелен нижнему течению Дона. Всем этим условиям вполне соответствует уходящая на северо-восток часть Каспия — сильно углубленный в материк залив, северо-восточный берег которого был, вероятно, неизвестен грекам и, по их представлениям, мог простираться вплоть до Северного океана. Залив действительно мог ограничивать верхних аорсов от даев, поскольку, по

¹⁷ Страбон. География. Перевод Г. А. Стратановского, карта 9.

¹⁸ Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.—Л., 1959, с. 57; Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. М., 1961, с. 126—134, карта на с. 131; K. J. Neumann, «Die Fahrt des Patrokles auf dem Kaspischen Meere und der alte Lauf des Oxos», *Hermes*, Bd. XIX, H. 2, 1884.

именно Страбона, даи живут неподалеку от Гиркании, отделенные от нее лишь пустыней (Страбон, XI, 7, 1), т. е. песками Кара-Кумов, следовательно, где-то в области, прилегающей с севера и востока к Кара-Богаз-Голу. Да и все другие данные античных авторов о даях тесно связывают их с территорией Средней Азии, так что помещать даев к северу от Каспия на левом берегу Волги нет никаких оснований.

Исходя из вышесказанного, можно принять, что верхние аорсы занимали области от течения реки Кумы на северо-восток и все Нижнее Поволжье по обоим берегам Волги. Восточная граница их земель неясна, поскольку все сведения Страбона о верхних аорсах говорят об их западных и южных связях.

Очень важно по возможности точно определить то время, которому соответствует Страбоновская этнокарта областей между Доном и Каспием. Вернее всего опереться на сообщение самого Страбона о том, что аорсы, сираки и верхние аорсы для каких-то целей выставили свои войска во время царствования Фарнака (63—47 гг. до н. э.) на Боспоре (XI, 5, 8). Видимо, именно в эту эпоху греки, непосредственно столкнувшиеся с восточными сарматами, зафиксировали довольно точно место обитания наиболее крупных их объединений.

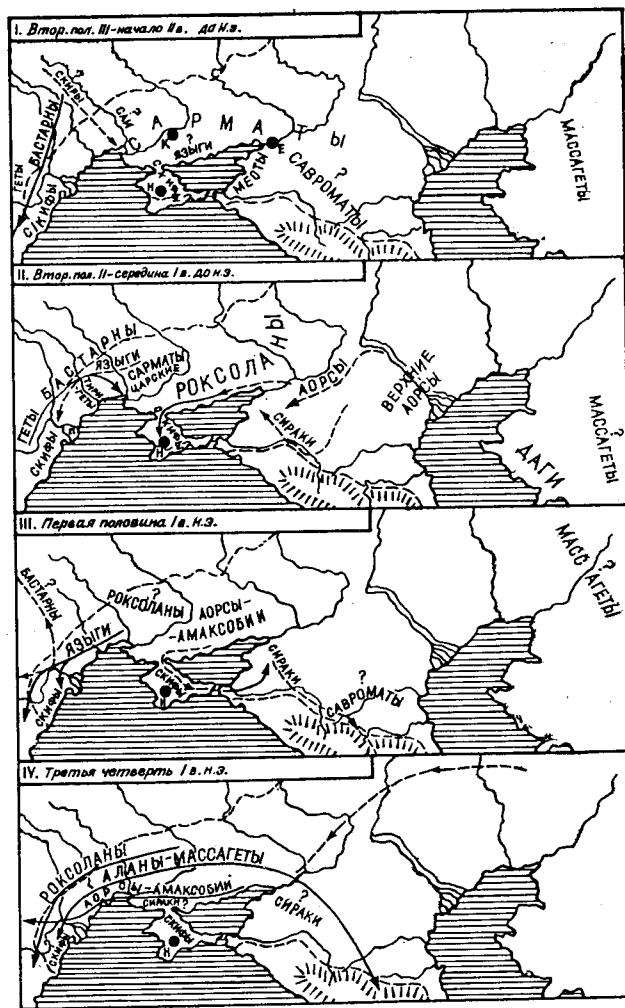
Размещение «народов», данное Страбоном, вероятно, сохранилось в основных чертах вплоть до третьей четверти I в. до н. э. Обычная тенденция кочевников к движению на запад сдерживалась мощью оседлых и полуседлых бастарнов, которые в 62—61 гг. до н. э. даже разбили войско римского проконсула (Кассий Дион, XXXVIII, 10, 1—3, 1, 26, 5) и гетов, образовавших в середине I в. до н. э. мощное государственное образование во главе с Биребистой (Страбон, VII, 3, 13). Однако в начале третьей четверти I в. до н. э. государство Биребисты распадается, а в 29 г. до н. э. Марк Красс наносит сокрушительные поражения бастарнам и гетам. После этого сарматы начинают свободно проникать в Подунавье. Их активное выступление здесь происходит около 16 г. до н. э. (Кассий Дион, IV, 20), а уже в начале I в. н. э. Овидий фиксирует сарматов-язигов в Подунавье как основных и наиболее опасных врагов местного оседлого населения (SC, II, 77—101, 104). Видимо, к началу I в. н. э. большая масса язигов перемещается ближе к Дунаю. Еще позднее, где-то между 20—50 гг. н. э., язиги передвигаются на запад, в степи Паннонии, где их около 50 г. н. э. отмечает Тацит и где они

продолжают существовать и в дальнейшем (Тацит, *Анналы*, XII, 29, 30).

Очевидно, к этому или несколько более раннему времени относится трудноуловимое из-за скудости источников, но несомненное передвижение мощного объединения аорсов из степей Подонья, а возможно и Поволжья, на запад. Во всех известных нам работах историков и археологов безраздельно господствует мнение, что аорсы, упомянутые Страбоном на левом берегу Танаиса, живут там и в первые века н. э., пока не смешиваются с аланами и имя их не исчезает со страниц источников. Но анализ источников позволяет реконструировать несколько иную картину.

Первое упоминание об аорсах, живущих «по Танаису», принадлежит Страбону и касается событий середины I в. до н. э. Следующая яркая страница их истории, нарисованная таким внимательным историком, как Тацит, повествует о событиях 49 г. н. э. (Тацит, *Анналы*, XII, 15—19). По сообщению Тацита, Митридат VIII, претендующий на Боспорский престол, захватывает земли дандариев (между берегом Меотиды и устьем Кубани) и привлекает на свою сторону сираков (Страбон считает, что они жили по Ахардею, а Мела и Тацит помещают их на восточном побережье Меотиды, между Боспором и Танаисом). По данным Плиния, союзниками Митридата VIII были и другие «савроматы» в предгорьях Кавказа (Плиний, *Естественная история*, VI, 16; SC, II, 180). Иными словами, сторонники Митридата VIII занимают все земли от берега Меотиды до Кавказского хребта. В ответ на приготовления Митридата ставленник Рима боспорский царь Котис и командир римских когорт Аквила обращаются за помощью к аорсам. Аорсы объединяются с боспорцами и римлянами и нападают сначала на западных союзников Митридата — дандариев, затем идут на северо-восток против сираков и завершают поход, остановившись на расстоянии трех дневных переходов от Танаиса.

Возникает вопрос — каким путем аорсы прибыли на Боспор и объединились там с войсками Котиса и Аквилы, если вся территория от Меотиды до предгорий Кавказа была в руках сторонников Митридата? Естественнее всего предположить, что они проникли через Перекоп, так же как раньше проникали в Крым ранние сарматы и роксоланы. Но если аорсы свободно проходили через Перекоп, то вполне возможно, что их кочевья находились уже не только восточнее Дона, но и много западнее, у северо-западных берегов Сиваша

●—1; ————2; ?—3

Карты—схемы размещения крупнейших группировок кочевников в восточноевропейских степях и некоторых их соседей в лесостепи в III в. до н. э.—I в. н. э. по данным античных письменных источников.

«Роксоланы» — наименование наиболее крупных объединений кочевников и их соседей; надпись занимает на карте место, которое соответствует той территории, где данное объединение выступало как господствующая сила. Стрелками показаны направления исторически зафиксированных переселений или военных походов; пунктирными стрелками показано предполагаемое направление переселений или походов.

Условные обозначения: П — пещины, К — Камыское городище, Е — Елизаветовское городище, Н — Неаполь Скифский; 1 — наиболее крупные укрепленные поселения степной зоны; 2 — граница между зоной степей и полупустынь и зоной лесостепи и леса; 3 — предполагаемая или сомнительная локализация какой-либо группировки.

Меотиды. Это предположение подтверждается и последующим ходом событий, изложенных Тацитом. Митридат VIII отдается в руки царю аорсов Евнону, который начинает переговоры с императором Клавдием относительно дальнейшей судьбы Митридата. Клавдий хочет захватить Митридата силой, но его удерживает то, что война с аорсами «пришлось бы вести в местностях бездорожных и на море без гаваней, к тому же цари там воинственны, народы кочевые, почва бесплодна» (Тацит, *Анналы*, XII, 19). О каком побережье «без гаваней», принадлежавшем аорсам, могла идти речь? Ведь восточный берег Меотиды аорсам не принадлежал, а в устье Дона стоял греческий город Танаис, принадлежавший боспорским царям. Речь могла идти лишь о северном побережье Меотиды, которое еще Страбон, в отличие от восточного, называл «пустынным». Именно к северо-западному побережью Азовского моря прилегает полоса малоплодородных песчаных и каштановых почв, в то время как все северо-восточное побережье — высококачественный чернозем. Все это убеждает в том, что к 49 г. н. э. аорсы распространились из степей «по Танансу», а может быть и из поволжских степей, в степи к северо-западу от Меотиды.

Сведения Тацита подтверждаются и другими источниками. Помпоний Мела, закончивший около 44 г. н. э. свой труд, в котором сочетаются данные времени Геродота и эллинистического и римского периодов, сообщает, что у реки Букес, впадавшей в Меотиду, живут савроматы, называемые амаксобиями (Мела, II, 2; SC, II). Название «Букес» позднее у Плиния и Птолемея служит обозначением Сиваша, реку с названием «Бика» Птолемей отмечает в западном Приазовье, отсюда ясно, что и у Помпония Мелы речь идет о степях, прилегающих к Сивашу и к западной части Меотиды. Название «амаксобии» впервые встречается у Мелы, они помещены у него там, где Страбон ранее поместил роксоланов, и мы вправе предполагать, что у Мелы отражено новое, происшедшее в период после войны Митридата VIII Евпатора, перемещение народов. Однако обычно название «амаксобии», т. е. «живущие в кибитках», считают обозначением кочевников вообще, но не какой-то конкретной этнической общности. Анализ же источников убеждает в ошибочности такого понимания этого названия для первых веков н. э. Во-первых, непонятно, почему следует считать обозначениями конкретных этнических групп такие чисто описательные и зву-

чащие по-гречески названия, как меланхлены, андрофаги, георги и номады и т. д., и отказываться в этом амаксобиям, столь точно локализованным Мелой. Во-вторых, и это главное, римские авторы, безусловно, считали амаксобиев реальной этнической единицей. Мела отмечает их у Меотиды, Плиний в 77 г. н. э. знает их уже у устьев Дуная (Плиний, IV, 80), а затем сразу два документа, отражающие сугубо практические нужды римской политики и не допускающие особых фантазий, — Хроника Ипполита Римского и «Певтингерова таблицы» — фиксируют сарматов-амаксобиев уже на среднем Дунае, отличая их от других, живущих западнее сарматов, в которых нельзя видеть никого, кроме язигов. Да и Кл. Птолемей в своей карте, восходящей к разновременным источникам, считает амаксобиев реальным народом (Птолемей, III, V, 7) и помещает их в числе «великих народов» к северу от Меотиды¹⁹. Таким образом, очевидна реальность амаксобиев как устойчивого этнополитического объединения, которое, как и другие подобные объединения кочевников, неуклонно движется на запад.

Кто же эти амаксобии? Новое, неизвестное ранее образование в южнорусских степях? Ответ на эти вопросы дает Плиний. Он сообщает, что на левом берегу нижнего Дуная наряду с другими народами живут «...сарматы или по-гречески савроматы, и из их числа амаксобии или аорсы» (Плиний, IV, 80; SC, II, 171). Это свидетельство тождества аорсов и амаксобиев взято из того отрывка работы Плиния, который М. И. Ростовцев считал восходящим к официальному источнику, современному Плинию, и поэтому заслуживает доверия. Таким образом, «амаксобии» Помпония Мелы, локализуемые им на западном участке приазовских степей, т. е. там же, где должны были находиться по всей логике событий аорсы Тацита в 49 г. н. э., просто являются вторым названием для тех же аорсов. Появление аорсов на этой территории могло произойти во второй половине I в. до н. э.—первой половине I в. н. э.

Несколько позднее, около середины—третьей четверти I в. н. э., аорсы-амаксобии отмечены у дельты Дуная (Плиний, IV, 80; SC, II, 171), а к III в. н. э.—уже на Балканском

¹⁹ Автор умышленно не останавливается подробно на сведениях, сообщаемых о роксоланах, аорсах, язигах и т. д. Клавдием Птолемеем. Сведения этого автора восходят к разновременным источникам, с трудом поддаются точной хронологической привязке, поэтому на их анализе мы намерены остановиться в другой работе.

полуострове севернее Дуная. Движение аорсов-амаксобиев на запад, равно как и другие перемещения в среде причерноморских народов в третьей четверти I в. н. э., было связано с вторжением сюда из Закаспийских степей аланов. Однако есть основание полагать, что далеко не все сарматское население, входившее в состав группировки аорсов-амаксобиев, передвинулось в Подунавье. Аммиан Марцелин сообщает, что аланы «мало-помалу постоянными победами изиурили соседние народы и распространили на них название своей народности» (Аммиан Марцелин, История, XXXI, В). Так что в конце I—IV в. н. э. под обобщающим именем «аланы» могут скрываться наряду с собственно аланами-массагетами и различные сарматские племена, в том числе потомки аорсов-амаксобиев, оставшихся в Восточной Европе.

Сопоставление данных археологии и письменных свидетельств позволяет заключить следующее:

а) с ранними роксоланами следовало бы связывать археологические памятники, датируемые второй половиной II в. до н. э. и находящиеся в степном междуречье Днепра и Дона; особенно нужно было бы обратить внимание на область, непосредственно примыкающую с востока к Днепру и с севера к Сивашу и западной части Азовского моря. Однако могильников, соответствующих этим требованиям и образующих какое-либо археологическое единство, в нашем распоряжении пока нет. Возможно, с появлением роксоланов в Подонье и Поднепровье связано падающее на первую половину — середину II в. до н. э. прекращение жизни на двух крупнейших поселениях этой области — Каменском²⁰ и Елизаветовском²¹ городищах. Может быть, ранние роксоланы имеют какую-то связь с памятниками типа Янчокракского, Старобельского и Таганрогского «кладов»;

б) нет никаких оснований связывать с роксоланами поволжские могильники I в. до н. э. — III в. н. э., на которых встречены диагональные погребения²². Учитывая постоянное движение кочевников на запад, еще можно было бы предполагать, что роксоланы находились

на Волге где-то ранее второй половины II в. до н. э. Однако нет прямых свидетельств того, что при движении с востока на запад роксоланы переходили Волгу и, тем более, задерживались на ней. Ряд косвенных данных указывает скорее на их связь с массагетоаланским миром закаспийских степей;

в) погребения I в. до н. э. на нижеволжских могильниках, вероятнее всего, принадлежали верхним аорсам. Немногочисленные одновременные и аналогичные им памятники в степях западнее Поволжья и восточнее нижнего Дона были оставлены аорсами. Ряд могильников, открытых в междуречье Дона и Днепра и ярче всего представленных некрополями на р. Молочной в северо-западном Приазовье, возникает здесь где-то в пределах I в. до н. э. и около рубежа н. э.²³ Эти могильники по совокупности признаков идентичны поволжским и некоторым подонским²⁴ и, видимо, отражают зафиксированное письменными источниками дальнейшее продвижение аорсов на запад, в степи северо-западного Приазовья. Могильник у с. Усть-Каменка, по некоторым признакам также родственной очерченному выше кругу памятников, возникает на правом берегу Днепра уже в первой половине I в. н. э.²⁵ и, возможно, связан с миграцией части аорсов-амаксобиев еще далее на запад, по направлению к Дунаю;

г) на ряде могильников кочевого населения Поволжья, Приазовья и Причерноморья, функционировавших в I в. до н. э. — I в. н. э., захоронения продолжают и во II—III вв. н. э. При этом создается впечатление, что каких-либо резких изменений и скачков в развитии культуры населения, оставившего эти могильники, в пределах указанного времени не происходит²⁶. Вероятнее всего, могильники продолжали использоваться в основном прямыми потомками верхних аорсов, аорсов и аорсов-амаксобиев, жившими, однако, в иную эпоху, когда господствующей силой в степях Восточной Европы становятся новые кочевники — аланы, появляющиеся здесь между 50 и 65 гг. н. э.

²⁰ Щукин М. Б. Европейская Сарматия и черняховская культура (хронологические соотношения). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, с. 101.

²¹ См. статью И. П. Засецкой в настоящем сборнике.

²² Щукин М. Б. Указ. соч., с. 161.

²³ См. статью И. П. Засецкой в настоящем сборнике.

Р. С. МИНАСЯН

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ЮГЕ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Территория, расположенная в междуречье верхнего течения рек Западной Двины и Ловяти, в свое время обследовалась Я. В. Станкевич, в результате чего был получен большой археологический материал, систематизированный и классифицированный автором раскопок в специально посвященной этому вопросу монографии¹.

С 1962 г. на юго-западной части этой территории, входящей в состав Псковской области, проводит исследования Невельская экспедиция Государственного Эрмитажа. Ею найдены десятки новых памятников, большая часть которых относится к железнному веку — городища, селища и могильники². На трех городищах у деревень Анашкино, Несельо и Староселье были произведены раскопки. Новые материалы позволяют внести некоторые уточнения в предложенную Я. В. Станкевич историческую схему памятников раннего железного века.

Городище у деревни Анашкино находится на берегу залива Жижицкого озера в Куньинском районе Псковской области. Памятник был известен ранее³ и датирован по подъемному материалу — сетчатой керамике — второй половиной I тысячелетия до н. э. Городище расположено на высоком песчаном холме и четко выделяется на фоне окрестного ландшафта интенсивно темной окраской культурного слоя. Овальная площадка городища размерами 20×30 м давно распахивается, так

что значительная часть культурного слоя сползла к подножию холма, поэтому никаких внешних следов укреплений, если они и были, не замечено. На поверхности собрано большое количество обломков лепной посуды, заостренный и залощенный на конце костяной предмет (рис. 1, 5) и две зернотерки.

На южном крае площадки был заложен разведывательный раскоп площадью 16 м². Выяснилось, что, несмотря на распашку, городище имеет мощный культурный слой, достигающий 1—1,9 м, состоящий из гумусированного песка темного цвета с зольными прослойками и скоплениями углей. На глубине 0,4 м от поверхности обнаружены остатки обгоревшего бревна и двух кольев. Зольные прослойки прослеживались от уровня бревна и ниже. В песчаном материке, местами сильно обожженном, обнаружен ряд ямок, некоторые из них заполнены углями и золой. Площадь раскопа была слишком мала и поэтому не удалось установить назначение ям. Судя по стратиграфии, городище, по-видимому, является многослойным памятником.

Найденные в раскопе обломки посуды представляют собой части лепных горшков баночной формы, имеющих слабо профилированные стенки и слегка отогнутый наружу или внутрь венчик. Они изготовлены ленточным способом из грубо промешанной глины с примесью дресвы в тесте. Обжиг слабый, цвет грязно-серый. Всю керамику можно разделить на две группы: орнаментированную и неорнаментированную.

Орнаментированная керамика преимущественно найдена в предматериковом слое или на материке. Часть обломков украшена сетчатым орнаментом, покрывавшим все стенки сосудов и, иногда, доньшко изнутри. Другая

¹ Станкевич Я. В. К истории населения Верхнего Подвинья в I—начале II тысячелетия до н. э.— МИА, 1960, № 76.

² Отчеты Невельской экспедиции 1962—1969 гг. Отчет Северо-Западной экспедиции Государственного Эрмитажа 1970 г. Архив ИА АН СССР.

³ Станкевич Я. В. Указ. соч., с. 176—178.

²⁰ Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре.— МИА, 1954, № 36, с. 54, 95; Мачинский Д. А. О времени... с. 53.

²¹ Шелов Д. Б. Танаис и нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970, с. 26—30.

²² См. статью И. П. Засецкой в настоящем сборнике.